

УДК 159.9.07

DOI 10.25688/2223-6872.2021.37.1.7

СИСТЕМА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СТАРОМ ЧЕЛОВЕКЕ У СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ НА НАЧАЛЬНЫХ ЭТАПАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ

В. В. Лемш,

ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, Омск,
verlem2004@yandex.ru

В статье система представлений о старом человеке рассматривается как ключевой аспект взаимодействия социального работника с клиентом, задающий направление и характер профессиональных действий, которые в конечном итоге определяют эффективность социальной работы. Цель исследования состоит в анализе содержания представлений о старых людях. В исследовании использована авторская психосемантическая методика, направленная на оценку системы психологических проявлений: когнитивных, аффективных, регулятивных, коммуникативных и личностных.

Респондентами выступили социальные работники, которые находятся на разных этапах профессионального становления: студенты (адепты) и социальные работники, начинающие свою трудовую деятельность (адаптанты). Общее число испытуемых — 80 человек, из них 40 человек — студенты 2–4-х курсов направления «Социальная работа» в возрасте от 19 до 24 лет; 40 человек — работники комплексных центров социального обслуживания населения с профессиональным стажем не более пяти лет в возрасте от 26 до 32 лет. Выявлено, что образ старого человека в обеих группах респондентов в значительной степени нагружен отрицательными коннотациями, что свидетельствует о существенном влиянии стереотипов старости на формирование системы представлений. Она является достаточно устойчивой, в особенности это касается представлений о личностных и коммуникативных качествах. Вместе с тем непосредственное включение в профессиональную деятельность способствует частичной трансформации системы представлений о старом человеке в позитивном направлении. Наиболее существенные изменения произошли в представлениях о способностях старого человека регулировать свое поведение. В целом изменения системы представлений о старом человеке связаны не только с увеличением положительных оценок, но и со смягчением отрицательных: социальные работники менее категоричны в своих негативных оценках старости.

Ключевые слова: системный подход; система представлений; старый человек; студенты; социальный работник; профессиональное становление.

Для цитаты: Лемш В. В. Система представлений о старом человеке у социальных работников на начальных этапах профессионального становления // Системная психология и социология. 2021. № 1 (37). С. 81–94. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.37.1.7

Лемш Вера Васильевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.

E-mail: *verlem2004@yandex.ru*

ORCID: 0000-0001-7165-5248

UDC 159.9.07

DOI 10.25688/2223-6872.2021.37.1.7

**THE SYSTEM OF IDEAS ABOUT AN OLD PERSON AMONG SOCIAL WORKERS
AT THE INITIAL STAGES OF PROFESSIONAL DEVELOPMENT****V. V. Lemish,**Dostoevsky OmSU, Omsk,
verlem2004@yandex.ru

In the article, the system of ideas about an old person is considered to be a key aspect of the interaction of a social worker with a client, which sets the direction and nature of professional actions, which ultimately determine the effectiveness of social work. The aim of the research is to analyze the content of ideas about old people. The research uses the author's psychosemantic methodology aimed at assessing the system of psychological manifestations: cognitive, affective, regulatory, communicative and personal.

The respondents, social workers, were at different stages of professional development: students (adepts) and social workers starting their labor activity (adapters). The total number of subjects is 80. Among them: 40 people — students of 2–4 courses of the direction "Social work" aged from 19 to 24 years; 40 people — employees of complex centers of social services for the population with a professional experience of no more than 5 years aged from 26 to 32 years. It was revealed that the image of an old person in both groups of respondents is heavily loaded with negative connotations, which indicates a significant influence of old age stereotypes on the formation of the system of ideas. It is quite stable, especially when it touches upon the ideas about personal and communicative qualities. At the same time, direct involvement in professional activity contributes to a partial transformation of the system of ideas about an old person in the positive direction. The most significant changes have occurred in the perception of an old person's ability to regulate his behavior. In general, changes in the system of ideas about an old person are associated not only with an increase in positive assessments, but also with softening of negative ones: social workers are less categorical in their negative assessments of an old age.

Keywords: systematic approach; presentation system; an old man; students; Social worker; professional development.

For citation: Lemish V. V. The system of ideas about an old person among social workers at the initial stages of professional development // Systems Psychology and Sociology. 2021. № 1 (37). P. 81–94. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.37.1.7

Lemish Vera Vasilievna, PhD in Psychology, Assoc. Prof. Associate professor at the Department of Social Work, Pedagogy and Psychology of the Dostoevsky Omsky State University, Omsk, Russia.

E-mail: verlem2004@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7165-5248

Введение

Социальная работа с пожилыми и старыми людьми сегодня одна из самых востребованных профессий, что обусловлено увеличением продолжительности жизни и значительным ростом доли старших поколений в структуре общества. Данная демографическая тенденция, ярко проявившаяся в последней четверти XX века, поставила перед стареющими обществами целый ряд проблем (экономических, культурных, психологических), которые по сути своей не являются собственно демографическими. Решение этих задач потребовало переосмысления феномена старости.

В научном дискурсе медицинскую дефицитарную модель, определяющую старость как болезнь, а старение — как процесс деградации, сменила компенсаторная модель, ориентированная на выявление механизмов, препятствующих процессам деградации. Во многом смена парадигм была связана с развитием системного подхода, рассматривающего человека как сложную биопсихосоциальную систему, в которой биологический уровень, встраиваясь в психологический и социальный уровни организации, оказывается зависимым от последних. В настоящее время в психологии активно разрабатывается ресурсная модель, в которой старость характеризуется как этап развития.

Однако современные научные представления о старости и старении не интериоризированы не только общественным, но и профессиональным сознанием. В исследованиях как отечественных, так и зарубежных авторов показано, что дискриминационные практики в отношении старшего поколения (эйджизм), в основе которых лежит негативный образ старости, являются широко распространенным явлением [2; 28]. Не составляет исключения и сфера помогающих профессий, что, безусловно, отрицательно сказывается на эффективности самой помощи, поскольку существенно затрудняет (а порой и вовсе исключает) использование ресурсного потенциала, присущего представителям старшего поколения.

Как отмечает С. Г. Максимова, «современный мир не способствует социальной интеграции престарелых. Возникает парадоксальная ситуация, когда медицина преследует цель продления жизни, а система ценностей, включающих новый опыт человечества, не гарантирует пожилым чувства социальной полезности» [9: с. 22]

В данном контексте анализ представлений социальных работников о старых людях может выступать в качестве индикатора готовности профессионального сообщества к использованию технологий, ориентированных на ресурсы престарелых клиентов.

Специфика социальной работы со старыми людьми

Социальная работа относится к социальным профессиям (тип «человек – человек») и связана, прежде всего, с решением практических задач оказания помощи людям в трудной жизненной ситуации (ТЖС). Научному осмыслению специфики социальной работы с пожилыми и старыми людьми может способствовать системный подход в психологии [15: с. 321], с позиций которого профессиональная деятельность социального работника может быть представлена как система, включающая следующие структурные компоненты: социальный работник, клиент, взаимоотношения, возникающие между ними [14: с. 195]. Интегральным компонентом

данной деятельности выступает взаимодействие социального работника с клиентом, поскольку от характера этого взаимодействия зависит в конечном итоге эффективность социальной работы. Изначальное неравенство позиций субъектов взаимодействия (клиент — человек, оказавшийся в ТЖС, — зависит от социального работника) может стать одной из причин дискриминационных практик. Противостоять этому, на наш взгляд, может внутренняя профессиональная установка социального работника, ориентированная на выявление ресурсов клиента.

Однако реализации данной установки в практике социальной работы со стареющими людьми препятствуют многочисленные барьеры, которые возникают уже на стадии выбора специализации. Социальная работа с пожилыми и старыми людьми, как показывают исследования, является наименее привлекательной. Можно выделить три группы причин, которые лежат в основе этой непривлекательности. Во-первых, распространенные негативные представления о том, что стареющих людей нельзя изменить, им присущи одиночество и депрессия, а также плохая гигиена и т. п. Иначе говоря, у пожилых и старых людей отсутствуют какие-либо внутренние ресурсы. Во-вторых, убеждение, что эта работа относится к низкооплачиваемым и не является сложной или полезной. Наконец, причина более глубокого психологического характера, часто неосознаваемая, связана со страхами собственного старения [32]. Последний фактор подтвержден и в исследовании работников социальных служб, медсестер, психологов, чьими клиентами являются стареющие люди [33].

Еще одна из проблем, обуславливающих сложность, а зачастую и неэффективность социальной работы со стареющими клиентами, состоит в том, что до сих пор нет устоявшейся терминологии. Очень часто понятия «пожилой человек», «старый человек» используются как синонимы. А под термином «старшее поколение» понимается группа, перешагнувшая пенсионный возраст. Однако пожилые и старые люди — возрастные группы, которые имеют существенные различия. Старшее поколение также неоднородно, и адекватнее использовать понятия «третье поколение»

и «четвертое поколение». Современные пожилые люди (представители третьего поколения) — это, как правило, активные, достаточно здоровые люди, нередко продолжающие трудовую деятельность. Старые люди (представители четвертого поколения), согласно периодизации ВОЗ перешагнувшие 75-летний рубеж, имеют значительно больше проблем, вызванных прежде всего ухудшением здоровья.

Путаница в терминах связана также с тем, что старение начинается значительно раньше, чем наступает старость. Пожилые люди — это стареющие, но не старые. Отсутствие единого понимания того, кого следует отнести к пожилым людям, а кого — к старым, порождает как исследовательские проблемы, так и проблемы в практике социальной работы.

Социальная работа с пожилыми и старыми людьми, безусловно, должна отличаться, но в обоих случаях требует опоры на ресурсы этих возрастных групп. Следует отметить, что значительно больше исследований посвящено изучению пожилых людей. Исследованию же психологических ресурсов старых людей до сих пор не уделяется должного внимания. Значительно чаще в научных работах акцент делается на проблемах, связанных с ухудшением здоровья, а также со снижением когнитивных функций, и, соответственно, обсуждаются пути решения гериатрических и психиатрических проблем. В результате социальная работа со старыми людьми фактически ограничивается или подменяется медицинской гериатрической помощью. Иначе говоря, в социальной работе со старыми людьми фактически доминирует (имплицитно присутствует) медицинская дефицитарная модель старения, рассматривающая старость как болезнь. При такой постановке вопроса жизнь старого человека низводится к простым физиологическим функциям. Однако даже очень больной человек не перестает быть человеком. Преодолеть дефицитарный подход к старости позволяет системный подход, в основе которого лежит представление о многоуровневой биопсихосоциальной организации человека [8]. Современные исследования свидетельствуют о том, что и в старческом возрасте имеются свои специфические ресурсы: когнитивные, аффективные, коммуникативные, личностные [10].

Результаты лонгитюдного исследования М. Д. Александровой, проведенного в Доме ветеранов науки и образования, показали, что среди людей в возрасте 80–90 лет и старше самым распространенным типом старения является вариант, для которого характерны существенные проблемы со здоровьем при сохранности познавательных функций и личности: «у них сохранились способности принимать информацию, логично мыслить, слабо выражена потеря памяти на сегодняшние события, но хорошо сохранилась память на прошлое, особенно профессиональное. У этих людей не произошло изменений в личностных характеристиках — свойствах личности как системы отношений... к вещам, труду, к идеям, к самому себе. Эти люди способны к диалогу, к самокритике, стремятся помочь нуждающимся, принимают участие в общественной жизни и т. п.» [1: с. 82].

Таким образом, результаты современных научных исследований позволяют говорить о том, что человек может вести полноценный образ жизни и на завершающем этапе жизни. Следовательно, социальная работа со старыми людьми не должна ограничиваться поддержкой соматического здоровья: необходимо создавать условия для активизации имеющихся у клиента психологических и личностных ресурсов. В основе данной модели социальной работы со старыми людьми лежит системный подход, рассматривающий человека как сложную многоуровневую биопсихосоциальную систему. Однако ресурсный подход в практике социальной работы со старыми людьми может быть реализован только при наличии соответствующих представлений у социальных работников.

Представления социальных работников о старых людях как элемент профессиональной деятельности

В основе взаимоотношений социального работника и старого человека лежат представления об особенностях клиента, среди которых возраст имеет большое значение. Представления о возрасте обусловлены как научными знаниями, полученными в ходе

профессионального обучения, так и собственным опытом взаимодействия со старыми людьми, который может быть как позитивным, так и негативным. Немаловажную роль играют и образы старости, закрепившиеся в общественном сознании, которые являются составляющей возрастного символизма. «Возрастной символизм, т. е. система представлений и образов, в которых общество воспринимает, осмысливает и освящает (легитимирует) жизненный путь индивида и возрастную стратификацию, так же универсален и одновременно специфичен, как и сами эти явления» [7: с. 93].

На основе анализа современного социального дискурса старости М. Э. Елютина, И. Д. Иванова выделили устойчивые представления, которые характеризуют данный этап жизни как пространство «отсутствия»: старость — это период отсутствия социальной значимости человека, здоровья, изменений в способах поведения, отсутствие возможности исправить допущенные ошибки [3]. Старость зачастую связана с понятием изнурения человека, потерей им ориентира в становлении телесного, личностного и субъективного, разрывом между замыслом, смысловым содержанием и результатом [4: с. 274]. Данный социально-психологический портрет старости вполне оправдывает цель социальной работы, направленной на обеспечение доживания, но противоречит современным научным представлениям и в целом гуманистической ценности жизни.

Распространенный в общественном сознании негативный образ старости, безусловно, не может не влиять на деятельность специалистов помогающих профессий, в том числе и социальных работников, порождая эйджизм, проявляющийся в дискриминационных практиках. Сам факт наличия геронтологического эйджизма в сфере социальной работы зафиксирован как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях [2; 24]. При этом негативные установки далеко не всегда осознаются самими социальными работниками. Так, в исследовании Л. В. Колпиной, проведенном на основе метода фокус-группы, социальные работники вместо анализа проявлений геронтологического эйджизма в их профессиональной сфере

спонтанно переходили на описание негативных характеристик клиентов [6]. Непосредственная практика взаимодействия социальных работников с клиентами позднего возраста не обязательно улучшает имидж старых людей [20]. При этом, чем сильнее эйджистские установки, тем ниже готовность оказывать эмоциональную и инструментальную помощь [31].

Представление о старости как исключительно об этапе инволюции, деградации отражается в достаточно распространенной поговорке: «Что старый, что малый». Подтверждает это отмечаемая исследователями особая манера общения со старыми людьми, получившая название «вторичный детский лепет» (*secondary baby talk*), которая рассматривается как один из признаков эйджизма [26]. Такая манера общения характеризуется, во-первых, упрощением речи, обращенной к старому человеку (выбор простых и общеупотребительных слов, частые повторы, замедленная речь); во-вторых, покровительственной позицией (используют при обращении ласковые слова («милочка», «мой хороший», «дружок»), преувеличенно хвалят за незначительные успехи и т. п.); в-третьих, такими невербальными проявлениями, как уход от зрительного контакта, или, наоборот, пристальный взгляд, слишком близкая (вторжение в личное пространство собеседника) или слишком далекая социальная дистанция, подмигивание, нарочитая улыбка и т. п.

Вторичный детский лепет — проявление так называемой доброжелательной конспирации: за благожелательной манерой общения стоят представления о неполноценности собеседника. «Такая “дружеская” манера относиться к собеседнику на самом деле подчеркивает его инвалидность (реальную или предполагаемую), снижает его самооценку и ограничивает инициативу» [5: с. 69].

Обобщенный образ стареющего человека характеризуется амбивалентностью с преобладанием негативных коннотаций, а также отсутствием четкой дифференциации между представлениями о пожилом и старом человеке [11]. Однако исследование системы представлений социальных работников, обслуживающих пожилых и инвалидов на дому, показывает, что, во-первых, образы пожилого

и старого человека существенно дифференцированы; во-вторых, именно образ старого человека значительно более нагружен негативными оценками, что увеличивает риски проявления эйджистских практик именно по отношению к старым людям [8].

Как уже отмечалось, интегрирующим компонентом профессиональной деятельности социального работника является его взаимодействие с клиентом. В свою очередь, ядром этого взаимодействия, его системообразующим фактором становится имплицитный образ клиента, существующий в профессиональном сознании социального работника. В ситуации социального обслуживания людей старшего поколения на дому именно представление о старом человеке в конечном итоге определяет характер этого взаимодействия.

Сам образ старого человека также может быть представлен как система, как комплекс характеристик с различным «удельным весом», степенью устойчивости и связанности. При этом данная система представлений не является статичной, она должна изменяться в процессе профессионального становления социального работника под влиянием непосредственного взаимодействия с клиентами старшего возраста. Изучение системы представлений о старом человеке у социальных работников на начальных этапах профессионального становления позволит выявить вклад профессиональной деятельности в формирование образа старого человека, понять, насколько этот образ можно трансформировать.

Цель исследования заключается в анализе системы представлений о старых людях, формирующейся у социальных работников на разных этапах профессионального становления: студентов (адептов) и социальных работников, чей профессиональный стаж не превышает пяти лет (адаптантов).

Методы исследования

В исследовании использована авторская психосемантическая методика, направленная на оценку системы психологических проявлений: когнитивных, аффективных, регулятивных, коммуникативных и личностных.

Респондентами выступили социальные работники, которые находятся на разных этапах профессионального становления: студенты (адепты) и социальные работники, начинающие свою трудовую деятельность (адаптанты). Общее количество испытуемых — 80 человек, из них 40 человек — студенты 2–4-х курсов направления «Социальная работа» в возрасте от 19 до 24 лет; 40 человек — работники комплексных центров социального обслуживания населения с профессиональным стажем не более пяти лет в возрасте от 26 до 32 лет. Респонденты оценивали характеристики старого человека по шкале от –3 до +3.

Значимость различий оценок выявлялась с помощью *t*-критерия Стьюдента для независимых выборок. Статистическая обработка проводилась с использованием программы IBM SPSS Statistics 20.

Итак, применение психосемантической методики позволяет выявить систему представлений респондентов о старом человеке.

Результаты исследования и их обсуждение

Обобщенные результаты эмпирического исследования представлены в таблице 1.

В представлениях студентов и социальных работников о когнитивных особенностях старых людей обнаружена высокая степень сходства: старый человек достаточно умный, в некоторой степени ему присуща мудрость, однако его интересы скорее ограничены отсутствием желания воспринимать новую информацию. Выстроенный психологический портрет характеризуется амбивалентностью (при доминировании негативных черт), а также — противоречивостью/парадоксальностью (может ли умный, мудрый человек иметь ограниченные интересы, не обладать способностью воспринимать новое и не желать чему-либо учиться?). Эти факты свидетельствуют о значительном влиянии стереотипов на представления социальных работников, находящихся на начальных этапах профессионального становления, относительно интеллектуальной сферы старых людей.

Следует также отметить, что вышеописанные представления противоречат современным

Таблица 1

Система представлений о старом человеке у студентов и социальных работников

Характеристики образа	Шкалы	Студенты	Соц. работники	t-критерий Стьюдента	Уровень значимости
Когнитивные особенности	Умный	1,08	1,13	-0,128	$p > 0,05$
	Отсутствует желание чему-либо учиться	-1,83	-1,03	-2,082	$p < 0,05^*$
	Мудрый	0,35	0,55	-0,314	$p > 0,05$
	Ограниченность интересов	-0,35	-0,38	0,053	$p > 0,05$
	Новое не воспринимает	-2,10	-0,83	-2,815	$p < 0,01^{**}$
Аффективные особенности	Эмоциональный/неэмоциональный	-0,55	1,20	-4,429	$p < 0,001^{***}$
	Склонный к депрессии	-1,28	-1,13	-0,456	$p > 0,05$
	Сдержанный/несдержанный	0,20	-0,60	1,669	$p > 0,05$
	Уравновешенный	0,63	0,58	0,121	$p > 0,05$
	С чувством юмора/без чувства юмора	-0,13	0,65	-1,788	$p > 0,05$
Регулятивные особенности	Целеустремленный/нецелеустремленный	-1,18	0,00	-2,868	$p < 0,01^{**}$
	Пассивный	-1,95	-0,83	-3,272	$p < 0,01^{**}$
	Настойчивый	0,43	1,43	-2,431	$p < 0,05^*$
	Быстро устающий	-2,20	-2,00	-0,454	$p > 0,05$
	Решительный/нерешительный	-0,73	0,53	-2,762	$p < 0,01^{**}$
Коммуникативные особенности	Всегда приходит на помощь другим / заботится только о себе	0,33	-0,18	1,249	$p > 0,05$
	Интересный собеседник	0,68	0,65	0,049	$p > 0,05$
	Миролюбивый/конфликтный	0,48	-0,33	1,723	$p > 0,05$
	Считается с чужим мнением / навязывает свое мнение	-0,80	0,05	-1,777	$p > 0,05$
	Общительный	0,58	1,30	-1,905	$p > 0,05$
Личностные особенности	Плывет по течению	-1,83	-1,18	-1,784	$p > 0,05$
	Винит других в своих проблемах	-0,43	-0,95	1,339	$p > 0,05$
	Потерял смысл жизни	-0,78	-0,23	-1,294	$p > 0,05$
	Добился в жизни того, чего хотел	0,80	0,73	0,163	$p > 0,05$
	Добрый	1,28	1,75	-1,314	$p > 0,05$

Примечание: $t = 2,021$ при $p < 0,05$; $t = 2,704$ при $p < 0,01$; $t = 3,551$ при $p < 0,001$.

научным данным, свидетельствующим о том, что ментальные снижения, которые зачастую рассматриваются как атрибут старости, обусловлены не столько возрастом, сколько социальными факторами, связанными с образом жизни, и характером собственной интеллектуальной активности [18], при этом важным является фактор когнитивного функционирования до выхода на пенсию [21]. Более того,

сравнение результатов берлинских исследований, проведенных с разницей в 20 лет (в 1990–1993 и 2013–2014 гг.), показал, что современный прогресс привел к улучшению когнитивных функций в позднем возрасте [22].

Интеллектуальный потенциал четвертого поколения подтверждает и практика геронтообразования, которая приобретает все более широкое развитие. При этом, как показывают

исследования, само включение в образовательный процесс оказывает комплексное воздействие: не только препятствует деградации когнитивных функций, но и способствует личностному развитию [13; 25].

При наличии сходства представлений студентов и социальных работников были выявлены и различия. В целом все оценки социальных работников несколько выше, чем у студентов, однако статистически значимые различия проявились только по двум шкалам: «Отсутствует желание чему-либо учиться» и «Новое не воспринимает». При этом сами оценки по этим шкалам остались негативными.

Таким образом, в целом представления социальных работников о ментальных особенностях старых людей в значительной степени стереотипизированы и являются достаточно устойчивыми. Вместе с тем профессиональная деятельность способствует изменению этих представлений в позитивную сторону: при сохранности отрицательного характера оценок социальные работники проявили меньшую категоричность по сравнению со студентами.

Анализ сравнения средних значений оценок аффективных проявлений старых людей показал, что и студенты, и социальные работники воспринимают старого человека как скорее уравновешенного, но склонного к депрессии. По остальным шкалам оценки полярны. Если студенты воспринимают старого человека как сдержанного, не обладающего чувством юмора и неэмоционального, то социальные работники, наоборот, как несдержанного, но не без чувства юмора и достаточно эмоционального. Однако существенные (статистически достоверные) различия проявились только по шкале «эмоциональный – неэмоциональный». Иначе говоря, именно адаптанты, в отличие от адептов, воспринимают стариков как людей эмоциональных.

Наиболее ярко выраженной характеристикой, выделенной респондентами обеих групп, является склонность к депрессии, что соответствует стереотипу старости. Современные научные данные свидетельствуют о том, что депрессия не является сугубо возрастной характеристикой, а обусловлена взаимодействием человека с окружающим миром [16].

Более того, некоторые ученые отмечают, что «уровень удовлетворенности жизнью в позднем возрасте по большинству показателей не претерпевает существенных изменений» [17: с. 30]. Ощущение конечности своего существования приводит к ценности переживания сегодняшнего дня, что является основой позитивной направленности аффективной сферы в старости [19].

Таким образом, в целом представления адептов и адаптантов об аффективных проявлениях старых людей существенно не отличаются. Исключение составляет представление об эмоциональности: если студенты воспринимают старых людей как неэмоциональных, то социальные работники — как эмоциональных.

Анализ сравнения средних значений оценок регулятивных проявлений старых людей показал, что и студенты, и социальные работники воспринимают старого человека как настойчивого, но пассивного и достаточно быстро устающего. Мнения в отношении других волевых качеств разделились. Если студенты считают, что для старого человека характерно отсутствие целеустремленности, то социальные работники заняли нейтральную позицию (средняя оценка близка к нулю); если студенты считают, что старый человек скорее нерешительный, то социальные работники видят в нем человека, способного на решительные действия.

В целом все оценки регулятивных проявлений старых людей у социальных работников выше, чем у студентов, причем различия по четырем шкалам статистически достоверны. Исключение составила шкала «Быстро устающий», отражающая объективную характеристику старости. Иначе говоря, включение в профессиональную деятельность способствует более позитивному восприятию регулятивных возможностей старых людей, при сохранности доминирования негативных оценок.

Соотнесение регулятивных проявлений с научными данными не представляется возможным, поскольку такие данные не были нами обнаружены. Однако, как отмечает А. В. Микляева, в процессе взаимодействия со старшим поколением недооцениваются

именно регулятивные возможности последних [12]. Опасность таких представлений состоит в том, что они способствуют формированию отношения к старому человеку как к беспомощному, неспособному к самостоятельным действиям, тем самым подавляя инициативу последних. Вместе с тем исследования показывают, что когда старые люди чувствуют, что могут контролировать свою жизнь, это положительно влияет как на их физическое здоровье, так и на психологическое благополучие и тем самым увеличивает продолжительность жизни [27].

Таким образом, в представлениях о регулятивных качествах старых людей и у студентов, и у социальных работников в целом доминируют негативные оценки, однако непосредственные контакты в процессе профессиональной деятельности способствуют формированию более позитивного образа.

Сравнение средних значений оценок коммуникативных проявлений старых людей студентами и социальными работниками показало, что обе группы респондентов характеризуют старого человека как общительного и относительно интересного собеседника. В отношении других коммуникативных проявлений оценки качественно отличаются. Студенты считают, что старики скорее миролюбивы и приходят на помощь другим, но при этом склонны навязывать свое мнение; социальные работники, напротив, оценивают старого человека как конфликтного, склонного заботиться только о себе, но считающегося с чужим мнением. Однако статистически достоверных различий ни по одной из шкал выявлено не было.

Следует отметить, что, несмотря на превалирование положительных оценок, практически все они достаточно низки (не превышают единицы), что свидетельствует о малой привлекательности старого человека как собеседника для социальных работников. Вместе с тем, как показывают исследования, качество социальных связей влияет не только на психологическое благополучие, но и на здоровье старых людей [29], поэтому одним из важнейших аспектов практики социальной работы является уважение. При этом практика уважения старших нуждается в том, чтобы

она соответствовала образу жизни и ценностям обслуживаемого клиента [30].

Таким образом, система представлений о коммуникативных качествах старых людей является достаточно устойчивой и характеризуется преимущественно положительными, но невысокими оценками.

Сравнение средних значений оценок личностных проявлений старых людей студентами и социальными работниками выявили высокую степень сходства представлений: старый человек достаточно добрый, поскольку добился ряда поставленных целей, но при этом склонен винить окружающий в собственных неудачах, кроме того, у него утрачен смысл жизни. Все различия статистически незначимы. Восприятие старых людей как пассивных, не видящих смысла в своем существовании не способствует поиску форм вовлечения их в различные виды активности. Однако исследования показывают, что даже за год до смерти человек может поддерживать свое психологическое благополучие в случае наличия социальных целей и, соответственно, социальной активности [23].

Таким образом, система представлений о личностных качествах старых людей также является достаточно устойчивой, в ней преобладают негативные коннотации.

Обобщая полученные результаты эмпирического исследования, отметим, что система представлений о старом человеке как студентов (адептов), так и социальных работников, начинающих свою профессиональную деятельность (адаптантов), в целом характеризуется амбивалентностью: количество положительных и отрицательных оценок примерно одинаково. В частности, 11 оценок студентов и 12 оценок социальных работников из 25 возможных лежат в положительной плоскости; а 14 и 12 соответственно — в отрицательной.

Обе группы респондентов воспринимают старого человека как доброго, сумевшего добиться в жизни желаемого, умного, мудрого, общительного, интересного собеседника, настойчивого, уравновешенного и в то же время как быстро устающего, плывущего по течению, склонного винить окружающих в своих проблемах, утратившего смысл жизни, имеющего ограниченные интересы, не воспринимающего

новое, не желающего чему-либо учиться, пассивного, склонного к депрессии.

Более детальный анализ уровня оценок показал, что большинство положительных оценок (у адептов — девять, у адаптантов — семь) меньше одного балла (при максимуме три балла), т. е. невысоки; в то же время половина отрицательных оценок студентов и треть оценок социальных работников ниже –1. Иначе говоря, образ старого человека в большей степени тяготеет к негативному полюсу.

Проявилась общая тенденция к более позитивному восприятию старого человека начинающими свой профессиональный путь социальными работниками: у адаптантов по 18 шкалам (72 %) средние оценки характеристик старых людей выше, чем у адептов. Однако только по семи из них различия статистически значимы. Наиболее существенные изменения образа старости выявлены в представлениях о регулятивных проявлениях: по четырем шкалам из пяти средние значения оценок адаптантов статистически значимо выше, чем у адептов. Следует также отметить, что в целом характер существенных изменений различен. Знак оценок изменился в восприятии таких качеств, как эмоциональность, целеустремленность, решительность. Однако включение в профессиональную деятельность не изменило знак оценок некоторых характеристик, а именно: «отсутствует желание чему-либо учиться», «неспособность воспринимать новое», «пассивность», — но привело к снижению их категоричности.

Непосредственные профессиональные контакты не повлияли на представления о личностных и коммуникативных качествах старых людей, видимо, именно эти составляющие образа являются наиболее устойчивыми.

Итак, несмотря на то что непосредственное ежедневное общение социальных работников со старыми клиентами в рамках профессиональной деятельности способствует трансформации системы представлений о них в позитивном направлении, в целом образ старого человека существенно нагружен отрицательными коннотациями, а следовательно, риск развития эйджистских практик велик.

Выводы

1. Современное переосмысление сущности социальной работы с пожилыми и старыми людьми обусловлено развитием ресурсной модели старения в психологии. Методологической основой данной парадигмы является системный подход, рассматривающий человека как сложную биопсихосоциальную систему, развитие которой происходит на всех этапах онтогенеза. Данная модель человека позволяет учитывать не только деградиционные, но и компенсаторные, а также эволюционные процессы, происходящие на этапах старения. Соответственно, социальная работа со стареющими людьми должна быть ориентирована не только на поддержание функционирования организма (биологический уровень), но и на создание условий для активизации имеющихся у клиента психологических и личностных ресурсов. При этом социальная работа с пожилыми и старыми людьми должна отличаться с учетом особенностей их возрастных ресурсов. Однако реализация данного подхода на практике сталкивается с целым рядом барьеров, один из которых связан с негативным образом старости, преобладающим в современном социальном дискурсе, при интериоризации которого социальные работники могут оправдывать дискриминационное отношение к стареющим клиентам. Более того, негативные стереотипы в целом способствуют непривлекательности самого этого направления социальной работы.

2. Существует по крайней мере две причины, обуславливающие необходимость более детального изучения системы представлений социальных работников о стареющих людях. Во-первых, в большинстве современных исследований образы старого и пожилого человека не дифференцируются. Однако те немногие данные, которые существуют, позволяют говорить о том, что образ пожилого человека значительно в меньшей степени подвержен негативной стереотипизации, нежели образ старого. Во-вторых, система представлений обладает не только устойчивостью, но и изменчивостью. Изучение специфики образа старости у социальных работников на начальных этапах профессионального

становления позволяет выявить вклад непосредственного взаимодействия с клиентами старшего возраста на эти представления и целенаправленно их корректировать.

3. Методологической основой проведенного эмпирического исследования является системный подход, позволяющий анализировать проблему на различных уровнях. Во-первых, сама профессиональная деятельность социального работника может быть представлена как трехкомпонентная система «социальный работник – клиент – взаимоотношения, возникающие между ними». В данной триаде взаимодействие социального работника с клиентом выполняет интегрирующую функцию и определяет в конечном итоге эффективность социальной работы. Во-вторых, ядром этого взаимодействия (как системы) являются представления социального работника о стареющем человеке, которые задают направление и характер профессиональных действий. Наконец, в-третьих, сами представления об особенностях клиента могут рассматриваться как система.

4. Результаты проведенного психосемантического исследования свидетельствуют о том, что представления о старом человеке и студентов (адептов), и социальных работников, начинающих свою профессиональную деятельность (адаптантов), характеризуются амбивалентностью, однако в большей степени тяготеют к негативному полюсу. Включение в профессиональную деятельность способствует трансформации системы представлений о старом человеке в позитивном направлении. В целом изменения системы представлений о старом человеке связаны как с увеличением

положительных оценок, так и со смягчением отрицательных: социальные работники менее категоричны в своих негативных оценках старости. Наиболее существенные изменения выявлены в оценках регулятивной сферы. Непосредственные профессиональные контакты не повлияли на систему представлений о личностных и коммуникативных качествах старых людей, что может свидетельствовать об особой устойчивости именно данных, составляющих образ.

Заключение

Представления о старом человеке являются элементом культуры, влияющим не только на межпоколенные взаимодействия в обществе в целом, но и на деятельность специалистов помогающих профессий, в том числе и на эффективность социальной работы. Современные исследования свидетельствуют о доминировании негативных оценок образа старости, порождающих эйджизм. С позиций системного подхода представления о возрасте образуют систему, которая обладает, с одной стороны, устойчивостью, с другой — изменчивостью. Результаты проведенного исследования показали, что включение в профессиональную деятельность способствует формированию более позитивной системы представлений о старом человеке. Вместе с тем наличие в ней значительного числа негативных оценок сохраняет риск проявления дискриминационных практик, а также ограничивает (или исключает) использование ресурсоразвивающих технологий социальной работы со старыми людьми.

Литература

1. **Александрова М. Д.** Старение человека и его индивидуальные проявления // Вестник СПбГУ. 2014. Сер. 16. Вып. 2. С. 81–86.
2. **Гудзовская А. А.** Социально-психологические факторы геронтологического эйджизма // Социальные явления. 2018. № 2 (9). С. 49–55.
3. **Елютина М. Э., Иванова И. Д.** Старость как пространство «отсутствия» // Социология в изменяющемся научно-образовательном пространстве современного общества: мат-лы Междунар. научно-практ. конф. VII Дыльновские чтения. Саратов: Саратовский источник, 2020. С. 158–161.
4. **Иванов Д. В., Галюк Н. А.** Концептуальный аппарат разноуровневой самореализации личности // Новая парадигма организационного управления в условиях вызовов XXI века (к 95-летию Л. И. Уманского): монографические материалы Всероссийского симпозиума: в 2 т. Т. 2. Кострома: КГУ, 2016. С. 272–275.
5. **Качоровска-Брей К., Милевски С.** Социолингвистические аспекты общения с пожилыми людьми // Системная психология и социология. 2017. № 4. С. 65–74.

6. **Колпина Л. В.** Геронтологический эйджизм в практиках медицинского и социального обслуживания // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 72–77
7. **Кон И. С.** Ребенок и общество: (историко-этнографическая перспектива). М.: Наука, 1988. 269 с.
8. **Лемиш В. В.** Представления социальных работников о пожилых и старых людях // Вестник Тюменского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. 2014. № 9. С. 173–180.
9. **Максимова С. Г.** Социально-ценностные аспекты восприятия старости // Известия Алтайского государственного университета. 2001. № 2 (20). С. 28–32.
10. **Мелёхин А. И.** Специфика психологического капитала в пожилом и старческом возрасте // Клиническая геронтология. 2018. Т. 24. № 9-10. С. 43–45.
11. **Микляева А. В.** Содержание возрастных стереотипов: эмпирическая типология // The Emissia. Offline Letters. Электронное научное издание. 2014. ART 2148. URL: <http://www.emissia.org/offline/2014/2148.htm> (дата обращения: 10.02.2021).
12. **Микляева А. В.** Зрелость и инфантилизм личности в социальных представлениях различных поколений // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. № 4 (17). С. 473–476.
13. **Мосина О. А., Гонежук А. Г.** Современные тенденции развития геронтообразования в России // Современные наукоемкие технологии. 2019. № 3-2. С. 284–288.
14. **Рыжов Б. Н.** Системная психология. 2-е изд. М.: Т8 Издательские Технологии, 2017. 356 с.
15. **Рыжов Б. Н.** История психологической мысли. Пути и закономерности. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ФЛИНТА, 2021. 352 с.
16. **Стрижицкая О. Ю.** Эмоции и старение: современные парадигмы и актуальные направления // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 3. С. 71–76. DOI: 10.17759/jmfp.2017060308
17. **Суслова Т. Ф., Жучкова М. В.** Исследование удовлетворенности жизнью и смысложизненных ориентаций в пожилом и старческом возрасте // Сибирский психологический журнал. 2014. № 53. С. 21–32.
18. **Brewster P. W. H.** Life experience and demographic influences on cognitive function in older adults / P. W. H. Brewster et al. // Neuropsychology. 2014. Vol. 28. №. 6. P. 846–858. DOI: 10.1037/neu0000098
19. **Carstensen L. L., Fung H. H., Charles S. T.** Socioemotional selectivity theory and the regulation of emotion in the second half of life // Motivation and Emotion. 2003. Vol. 27. № 2. P. 103–123. DOI: 10.1023/a:1024569803230
20. **Cheung C.-K., Chan C.-M., Lee J.-J.** Beliefs about elderly people among social workers and the general public in Hong Kong // Journal of Cross-Cultural Gerontology. 1999. № 14 (2). P. 131–152.
21. **Fisher G. G.** Mental Work Demands, Retirement, and Longitudinal Trajectories of Cognitive Functioning / G. G. Fisher et al. // Journal of Occupational Health Psychology. 2014. Vol. 19. № 2. P. 231–242. DOI: 10.1037/a0035724
22. **Gerstorf D.** Secular changes in late-life cognition and well-being: Towards a long bright future with a short brisk ending? / D. Gerstorf et al. // Psychology and Aging. 2015. Vol. 30. № 2. P. 301–310. DOI: 10.1037/pag0000016
23. **Gerstorf D.** Terminal decline in well-being: The role of social orientation / D. Gerstorf et al. // Psychology and Aging. 2016. Vol. 31. № 2. P. 149–165. DOI: 10.1037/pag0000072
24. **Kite M. E., Wagner L. S.** Attitudes toward older adults // Ageism: Stereotyping and prejudice against older persons / eds. T. D. Nelson. Cambridge, MA: MIT Press, 2002. P. 129–161.
25. **Lenahan M. E.** Sending your grandparents to university increases cognitive reserve: The Tasmanian healthy brain project / M. E. Lenahan et al. // Neuropsychology. 2016. Vol. 30. № 5. P. 525–531. DOI: 10.1037/neu0000249
26. **O'Connor B. P., St. Pierre E. S.** Older persons' perceptions of the frequency and meaning of elder-speak from family, friends, and service workers // Aging and human development. 2004. № 58 (3). P. 197–221. DOI: 10.2190/ly83-kpxd-h2f2-jrq5
27. **Pagnini F., Bercovitz K., Lang E.** Perceived control and mindfulness: Implications for clinical practice // Journal of Psychotherapy Integration. 2016. Vol. 26. № 2. P. 91–102. DOI: 10.1037/int0000035
28. **Robbins L. A.** The pernicious problem of ageism // Generations. 2015. Vol. 39. №. 3. P. 6–9.
29. **Rook K. S., Charles S. T.** Close social ties and health in later life: Strengths and vulnerabilities // American Psychologist. 2017. Vol. 72. № 6. P. 567–577. DOI: 10.1037/amp0000104
30. **Sung K.-T., Dunkle R. E.** How social workers demonstrate respect for elderly clients // Journal of Gerontological Social Work. 2009. № 52 (3). P. 250–260. DOI: 10.1080/01634370802609247

31. **Sutter M.** Do ableism and ageism predict college students' willingness to provide care for a family member with a chronic health condition? / M. Sutter et al. // *Stigma and Health*. 2017. Vol. 2. № 2. P. 110–120. DOI: 10.1037/sah0000045
32. **Wang D., Chonody J.** Social workers' attitudes toward older adults: A review of the literature // *Journal of Social Work Education*. 2013. № 49 (1). P. 150–172. DOI: 10.1080/10437797.2013.755104
33. **Wolk R. L., Wolk R. B.** Professional workers' attitudes toward the aged // *Journal of the American Geriatrics Society*. 1971. Vol. 19. № 7. P. 624–639. DOI: 10.1111/j.1532-5415.1971.tb02583.x

References

1. **Aleksandrova M. D.** Starenie cheloveka i ego individual'ny'e proyavleniya [Human aging and its individual manifestations] // *Vestnik SPbGU [Bulletin of St. Petersburg State University]*. 2014. Ser. 16. Vy'p. 2. P. 81–86.
2. **Gudzovskaya A. A.** Social'no-psixologicheskie faktory' gerontologicheskogo e'jdzhizma [Socio-psychological factors of gerontological ageism] // *Social'ny'e yavleniya [Social Phenomena]*. 2018. № 2 (9). P. 49–55.
3. **Elyutina M. E., Ivanova I. D.** Starost' kak prostranstvo «otsutstviya» [Starost' as a space of “absence”] // *Sociologiya v izmenyayushhemsya nauchno-obrazovatel'nom prostranstve sovremennogo obshchestva: mat-ly' Mezhdunar. nauchno-prakt. konf. VII Dy'l'novskie chteniya. [Sociology in the changing scientific and educational space of modern society: materials International Research and Practice conferences. VII Dylnovsky readings]*. Saratov: Saratovskij istochnik, 2020. P. 158–161.
4. **Ivanov D. V., Galyuk N. A.** Konceptual'ny'j apparat raznourovnevoj samorealizacii lichnosti [Conceptual apparatus of multi-level self-realization of the individual] // *Novaya paradigma organizacionnogo upravleniya v usloviyax vy'zovov XXI veka (k 95-letiyu L. I. Umanskogo): monograficheskie materialy' Vserossijskogo simpoziuma [New paradigm of organizational management in the conditions of challenges of the XXI century (to the 95th anniversary of L. I. Umansky): monographic materials of the All-Russian Symposium]*: in 2 vol. Vol. 2. Kostroma: KGU, 2016. P. 272–275.
5. **Kachorovska-Brej K., Milevski S.** Sociolingvisticheskie aspekty' obshheniya s pozhily'mi lyud'mi [Sociolinguistic aspects of communication with elderly people] // *Sistemnaya psixologiya i sociologiya [Systems Psychology and Sociology]*. 2017. № 4. P. 65–74.
6. **Kolpina L. V.** Gerontologicheskij e'jdzhizm v praktikax medicinskogo i social'nogo obsluzhivaniya [Gerontological ageism in medical and social service practices] // *Sociologicheskie issledovaniya. [Sociological Research]*. 2015. № 5. P. 72–77.
7. **Kon I. S.** Rebenok i obshchestvo: (istoriko-e'tnograficheskaya perspektiva) [Child and society: (historical and ethnographic perspective)]. M.: Nauka, 1988. 269 p.
8. **Lemish V. V.** Predstavleniya social'ny'x rabotnikov o pozhily'x i stary'x lyudyax [Representations of social workers about the elderly and old people] // *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psixologiya [Bulletin of the Tyumen State University. Series: Pedagogy. Psychology]*. 2014. № 9. P. 173–180.
9. **Maksimova S. G.** Social'no-cennostny'e aspekty' vospriyatiya starosti [Socio-value aspects of the perception of old age] // *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of the Altai State University]*. 2001. № 2 (20). P. 28–32.
10. **Melyoxin A. I.** Specifika psixologicheskogo kapitala v pozhilom i starcheskom vozraste [Specificity of psychological capital in the elderly and senile age] // *Klinicheskaya gerontologiya [Clinical Gerontology]*. 2018. T. 24. № 9-10. P. 43–45.
11. **Miklyaeva A. V.** Soderzhanie vozrastny'x stereotipov: e'mpiricheskaya tipologiya [The content of age-related stereotypes: empirical typology] // *The Emissia. Offline Letters. E'lektronnoe nauchnoe izdanie [Electronic scientific publication]*. 2014. ART 2148. Available online 10 February 2021 at: <http://www.emissia.org/offline/2014/2148.htm>
12. **Miklyaeva A. V.** Zrelost' i infantilizm lichnosti v social'ny'x predstavleniyax razlichny'x pokolenij [Maturity and infantilism of personality in social representations of different generations] // *Azimut nauchny'x issledovaniy: pedagogika i psixologiya [Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology]*. 2016. № 4 (17). P. 473–476.
13. **Mosina O. A., Gonezhuk A. G.** Sovremenny'e tendencii razvitiya gerontoobrazovaniya v Rossii [Modern trends in the development of geron formation in Russia] // *Sovremenny'e naukoemkie tekhnologii [Modern science-intensive technologies]*. 2019. № 3-2. P. 284–288.

14. **Ry`zhov B. N.** Sistemnaya psixologiya. [Systems psychology]. 2-e izd. M.: T8 Izdatel'skie Texnologii, 2017. 356 p.
15. **Ry`zhov B. N.** Istoriya psixologicheskoy my`сли. Puti i zakonomernosti. [History of psychological thought. Paths and patterns]. 2-e izd., pererab. i dop. M.: FLINTA, 2021. 352 p.
16. **Strizhiczskaya O. Yu.** E`mocii i starenie: sovremennyy`e paradigmy` i aktual`ny`e napravleniya [Emotions and aging: modern paradigms and current trends] // *Sovremennaya zarubezhnaya psixologiya [Modern Foreign Psychology]*. 2017. T. 6. № 3. P. 71–76. DOI: 10.17759/jmfp.2017060308
17. **Suslova T. F., Zhuchkova M. V.** Issledovanie udovletvorennosti zhizn`yu i smy`slozhiznenny`x orientacij v pozhilom i starcheskom vozraste [Research of satisfaction with life and life-meaning orientations in elderly and senile age] // *Sibirskij psixologicheskij zhurnal. [Siberian psychological journal]*. 2014. № 53. P. 21–32.
18. **Brewster P. W. H.** Life experience and demographic influences on cognitive function in older adults / P. W. H. Brewster et al. // *Neuropsychology*. 2014. Vol. 28. №. 6. P. 846–858. DOI: 10.1037/neu0000098
19. **Carstensen L. L., Fung H. H., Charles S. T.** Socioemotional selectivity theory and the regulation of emotion in the second half of life // *Motivation and Emotion*. 2003. Vol. 27. № 2. P. 103–123. DOI: 10.1023/a:1024569803230
20. **Cheung C.-K., Chan C.-M., Lee J.-J.** Beliefs about elderly people among social workers and the general public in Hong Kong // *Journal of Cross-Cultural Gerontology*. 1999. № 14 (2). P. 131–152.
21. **Fisher G. G.** Mental Work Demands, Retirement, and Longitudinal Trajectories of Cognitive Functioning / G. G. Fisher et al. // *Journal of Occupational Health Psychology*. 2014. Vol. 19. № 2. P. 231–242. DOI: 10.1037/a0035724
22. **Gerstorf D.** Secular changes in late-life cognition and well-being: Towards a long bright future with a short brisk ending? / D. Gerstorf et al. // *Psychology and Aging*. 2015. Vol. 30. № 2. P. 301–310. DOI: 10.1037/pag0000016
23. **Gerstorf D.** Terminal decline in well-being: The role of social orientation / D. Gerstorf et al. // *Psychology and Aging*. 2016. Vol. 31. № 2. P. 149–165. DOI: <https://doi.org/10.1037/pag0000072>
24. **Kite M. E., Wagner L. S.** Attitudes toward older adults // *Ageism: Stereotyping and prejudice against older persons* / eds. T. D. Nelson. Cambridge, MA: MIT Press, 2002. P. 129–161.
25. **Lenehan M. E.** Sending your grandparents to university increases cognitive reserve: The Tasmanian healthy brain project / M. E. Lenehan et al. // *Neuropsychology*. 2016. Vol. 30. № 5. P. 525–531. DOI: 10.1037/neu0000249
26. **O`Connor B. P., St. Pierre E. S.** Older persons` perceptions of the frequency and meaning of elder-speak from family, friends, and service workers // *Aging and human development*. 2004. № 58 (3). P. 197–221. DOI: 10.2190/ly83-kpxd-h2f2-jrq5
27. **Pagnini F., Bercovitz K., Lang E.** Perceived control and mindfulness: Implications for clinical practice // *Journal of Psychotherapy Integration*. 2016. Vol. 26. № 2. P. 91–102. DOI: 10.1037/int0000035
28. **Robbins L. A.** The pernicious problem of ageism // *Generations*. 2015. Vol. 39. №. 3. P. 6–9.
29. **Rook K. S., Charles S. T.** Close social ties and health in later life: Strengths and vulnerabilities // *American Psychologist*. 2017. Vol. 72. № 6. P. 567–577. DOI: 10.1037/amp0000104
30. **Sung K.-T., Dunkle R. E.** How social workers demonstrate respect for elderly clients // *Journal of Gerontological Social Work*. 2009. № 52 (3). P. 250–260. DOI: 10.1080/01634370802609247
31. **Sutter M.** Do ableism and ageism predict college students` willingness to provide care for a family member with a chronic health condition? / M. Sutter et al. // *Stigma and Health*. 2017. Vol. 2. № 2. P. 110–120. DOI: 10.1037/sah0000045
32. **Wang D., Chonody J.** Social workers` attitudes toward older adults: A review of the literature // *Journal of Social Work Education*. 2013. № 49 (1). P. 150–172. DOI: 10.1080/10437797.2013.755104
33. **Wolk R. L., Wolk R. B.** Professional workers` attitudes toward the aged // *Journal of the American Geriatrics Society*. 1971. Vol. 19. № 7. P. 624–639. DOI: 10.1111/j.1532-5415.1971.tb02583.x